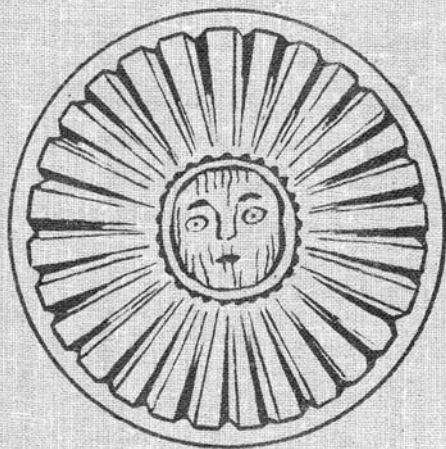

Календарные
обычаи и обряды
в странах
зарубежной Европы

летне-осенние праздники

ЧЕХИ И СЛОВАКИ

* * * * *

Н. Н. Грацианская

У чехов и словаков не существовало явного перехода от весеннего к летнему циклу календарных обычаев. По своему существу филиппо-якубская ночь, последняя ночь апреля, и праздник троицы, тесно связанные с весенним пасхальным периодом, в то же время имели много общего с летними праздниками и их обрядами. Филиппо-якубская ночь, например, с характерным для нее зажиганием костров была близка к празднованию дня св. Яна, а во время духова дня (у чехов называвшегося *letnice*) до недавнего времени сохранялись присущие летнему периоду обряды вызывания дождя: чистка колодцев и ключей, украшение их венками, кропление водой и т. п.

Характерная черта народных обычаев — приурочивание обрядов сходного происхождения к разным календарным датам, иногда они повторяются в различной форме и взаимосвязях. Во время же наиболее крупных календарных праздников (чаще всего церковных) обычно совершаются обряды, связанные первоначально с другими днями и не имевшие ничего общего с тем святым, которому они позднее посвящались, так как относились к языческому аграрному (земледельческому или скотоводческому) культу, а также к солярному культу, наиболее отчетливо проявляющемуся в летнем цикле календарных праздников.

Обычай и обряды второго этапа солярного культа — летнего солнцестоя-

ния — группируются вокруг праздника св. Яна (24 июня), совпадающего с самым длинным днем года. В ночь перед праздником взрослые и молодежь разводили у каждой деревни костры; в названии этой ночи в разных вариантах встречалось имя св. Яна: *rálit Jána* («палить Яна») (чеш.), *Vajano, Sobotku, Sobytku* (словац.). Эти огни были самой разной формы: мог быть большой костер (или целый ряд костров), высокий столб, обмотанный соломой, в которую втыкали множество сухих прутьев¹. В северной Словакии сбивали кресты из двух-четырех и более досок от разбитых сухих бочек, которые прибивали на высокий шест, обливали керосином и поджигали. Иногда это были просто колеса от повозок. Такие колеса (изображение солнца) должны были обязательно вертеться при горении². Вокруг костров молодые люди пели песни, танцевали, бросали горящие поленья, катали горящие колеса, бегали с факелами наперегонки, прыгали через костры, соревнуясь между собой. Перепрыгивание огня означало очищение, будущее здоровье; иногда старались подпрыгнуть как можно выше «на длинный лен» («*na dlouhý len*») — это предвещало хороший урожай его.

Праздники летнего солнцестояния славили природу. Янские огни, горевшие до самого утра, когда-то имели и эротическое значение. Песни янской ночи говорят о любви, будущих свадьбах. Так, в Словакии, например, пели:

Jano, Jano, Vájano,
Priletela holubička včas rano,
Priletela druhá z červeného krúha,
Priletela tretia zo zahrady z kvietí.
Jano, Jano, Vájano,
Koho oženime?
D'ura Štefanovie.
Koho mu dáme?
Maru Kalinovie.

Яно, Яно, Ваяно,
Прилетела голубка рано,
Прилетела другая из красного круга,
Прилетела третья из цветущего сада.
Яно, Яно, Ваяно,
Кого поженим?
Дюра Штефана.
Кого ему дадим?
Марину Калинову³.

Девушки в день св. Яна плели венки «из девяти цветов», пускали их в воду, бросали через огонь или на деревья, гадая, с какой стороны придет будущий жених или когда они выйдут замуж.

В юго-восточной Моравии чешские девушки кидали венки на яблони. Каждая из них при этом могла повторить свою попытку три раза. Если венок сразу зацеплялся за ветку яблони, верили, что девушка выйдет замуж в этом же году; если со второй или третьей попытки, то соответственно замужество девушки должно было состояться через два или три года. Эти девичьи гадания можно было повторять только с интервалом в три года⁴.

В некоторых районах Словакии празднование дня св. Яна сохранялось вплоть до 50-х годов нашего века. Однако в обряде ночного зажигания костров, имевшем уже только характер увеселения, принимали участие лишь юноши, девушки же к огням не выходили, однако старшее поколение еще помнит об участии в празднике молодежи⁵.

Сохранились сведения о том, что в янскую ночь начиналось и первое купание

(kupaďla). Но этот обычай исчез еще в XIX в.⁶

Верили, что в янскую ночь с помощью различных приемов можно обнаружить скрытые в земле клады. Тема эта широко распространена в чешском и словацком фольклоре.

Святоянские дни были посвящены солнцу, побеждающему тьму. Солнце считали символом добра и жизни, ему приписывалась магическая сила. Его присутствие уничтожало действие всех сверхъестественных злых сил. Чехи и словаки верили, что после захода солнца враждебные силы приобретали особую значимость, увеличивавшуюся в ночь на св. Яна, как, впрочем, и во время многих других праздников периодов солнцестояния.

В северо-восточной Моравии, в области Моравской Валахии, молодежь, собираясь жечь костры, говорила: «Идем выгонять ведьм» («Jdem vyhadzovat' čarodějnice»)⁷.

Священную функцию солнца на св. Яна подчеркивали и многие запреты: нельзя было бросать в огонь мусор, лить воду. После захода солнца нельзя было брать что-либо в долг, особенно молоко, так как ведьмы могли навредить корове, которой это молоко принадлежало⁸.

Верили, что собранные до восхода солнца в эту ночь лечебные травы имеют особую силу. Лечебным магическим свойством обладала якобы и собранная до восхода солнца святоянская роса⁹.

О древнем характере обрядов дня летнего солнцестояния свидетельствует хроника Козьмы Пражского (XII в.), где есть упоминание о том, что у чехов в этот период проходили большие языческие празднества. В период средневековья христианская церковь много раз запрещала летние обряды, связанные с культом Свантовита и сопровождавшиеся зажиганием костров, буйным весельем как у чехов, так и у словаков¹⁰. Постепенно христианское духовенство и эти праздники, как и многие другие

укоренившиеся в народе обычаи, приурочило к религиозному празднику — дню Яна Крестителя.

С днем св. Яна связаны были и многие обряды аграрного культа. В чешских областях, гораздо ранее затронутых индустриализацией, к XIX в. память о них уже почти стерлась. У словаков же они сохранялись до недавнего времени.

Засуха, град, вредные насекомые на овощах и фруктовых деревьях — все это было якобы деянием сверхъестественных сил. Для вызывания дождя в день св. Яна совершались обряды очищения колодезев, в некоторых районах это делали девушки, в других — юноши. Под крышу дома или в углы амбара втыкали зеленые ветки, чтобы не ударил гром. В горной Словакии (д. Крива) перед днем св. Яна засевали крохотный кусок поля пшеницей и с плугом обходили все участки; верили, что, если совершить такой обряд, буря не тронет урожай. Угли от янских костров клали в капусту, чтобы не было гусениц¹¹. Тот же обряд был известен чехам северо-восточной Моравии¹².

Праздник св. Яна проходил во время, предшествующее сбору нового урожая, т. е. в самый голодный период для крестьянина-земледельца. Обрядовой пищей дня св. Яна было так называемое *гря́жто*, *гря́жта*, известное чехам как в Чехии, так и в Моравии. Это было размоченное в воде жареное, незрелое зерно (чаще всего ячменное). Считается, что название этой пищи произошло от имени злого сверхъестественного существа — *пращца* (термин «пращец» означал и первого святоянского жнеца), вызывавшего падение колосьев незрелого зерна¹³.

Ко дню св. Яна были приурочены и обряды, связанные со скотоводством, в особенности в горных районах, как у чехов, так и у словаков. Янскими венками украшали коров, для того чтобы они давали больше молока, собранными в день св. Яна лечебными травами оку-

ривали скот и жилища. В горной Словакии, где было развито отгонное овцеводство, пастухи, начиная с весеннего выгона и вплоть до праздника св. Яна, не спускались в долины и не поддерживали никакой связи с родной деревней. Нарушение этого запрета якобы могло навредить овцам — их могли испортить ведьмы. В Моравской Валахии, по свидетельству источников, уже в XVI в. в день св. Яна собиралась «валашская дань», которую платили валахи-овцеводы землевладельцам за пользование горными пастбищами¹⁴.

Сохранились данные от XVIII в. о праздновании в день летнего солнцестояния языческого праздника у горы Радгошт, куда съезжалось население скотоводческих областей из горной Словакии и Моравии¹⁵ и где заключались свадебные договоры.

У овцеводов в Высоких Татрах Словакии в день св. Яна устраивался валашский пир (*valašská hostina*). Этот день для овцеводов был половиной срока, проведенного на отгонных пастбищах. Они должны были передать хозяевам половину полученного от овец сыра (теперь скотоводческому кооперативу). На высокогорные пастбища в этот день собирались ближайшие родственники валахов-пастухов. Главный пастух — *бача* — готовил мясные и молочные блюда для угощения; женщины приносили калачи, мужчины — спиртные напитки. Праздник сопровождался музыкой и танцами и длился до самого утра¹⁶. В последние годы этот традиционный пастушеский праздник в кооперативных хозяйствах перестали связывать с яновым днем. Его переносят на праздник 1 Мая.

Следующие летние месяцы заполнены тяжелыми сельскохозяйственными работами и календарными праздниками очень бедны. Правда, отдельные обряды и приметы были связаны с разными днями церковных святых, но происхождение их объясняется чисто аграрным

культом. Так, в день Петра и Павла (29 июня) по погоде гадали о будущем урожае. (У словаков этот день был традиционным праздником рабочих-горняков.) Словацкие женщины в день св. Якуба (25 июля) или св. Анны (26 июля) совершали обряды, которые должны были способствовать росту капусты: «Вчера был Якуб, сегодня — Анны, завивайтесь, мои милые головы» («Včera bolo Jakuba, dneska je Anny, zakúcajte že sa moje milé hlavy»). В западной Словакии 1 сентября виноградари обходили свои виноградники, не открывая рта, чтобы птицы не могли клевать виноградные лозы¹⁷.

У чехов до недавнего времени бытовали старые разговорки, говорившие о порядке сельскохозяйственных работ в отдельные дни лета, посвященные церковным святым: «Св. Маркита водит жнецов в рожь» («Sv. Markyta vodi žence do žita»); «Св. Маркита бросает серп в рожь» («Sv. Markyta sŕp hází do žita»); «Св. Анна заводит жнецов к пшенице» («Sv. Anna zavádí žence do pšenice»)¹⁸.

В конце июня у чехов и словаков обычно начинался сенокос, а затем сбор урожая. На полевые работы шли как на праздник. Урожай собирали сообща: при сенокосе и жатве чаще всего практиковался обычай взаимопомощи, большими группами косили сено и жали зерновые и у крупных землевладельцев. Во время сенокоса обязательно пели протяжные луговые песни-травницы (trávnice). Известны и многочисленные песни периода жатвы. Пелись они без музыкального сопровождения, ритм их определялся самим характером работы, они очень близки сенокосным песням-травницам.

Сохранились многочисленные записи чешских и словацких жатвенных песен:

Začte, holky, zažnejte,
Aní hlavy nezdvihejte;
Kerá hlavu pozdvíhnete
Na kozu se dostanete.

Жните, девушки, жните,
Но головы не поднимайте;
Та, кто голову поднимет,
Останется на козе¹⁹.

(«Останется на козе» — отстанет от других.)

Наиболее распространенная жатвенная песня у словаков связана с началом жатвенных работ:

Zatva, milá žatva, vitaj s novým chlebom!
Už budeme spievať tam pod holým nebom.

Жатва, милая жатва, приветствую тебя
с новым хлебом!
Уже будем петь под чистым небом²⁰.
(с. Горна Поруба)

Обряды, связанные с ходом уборочных работ, дольше сохранялись у словаков, чем у чехов.

Перед началом жатвы женщины в окрестностях Банска-Бистрицы из первых стеблей собранной ржи делали перевясла и обвязывались ими как поясом, чтобы не болела спина. Различными формами заговоров старались уберечь себя от того же недуга чешские женщины²¹.

В Словакии еще в начале XX в. длинные перевясла из первых колосьев пшеницы готовили и для хозяина поля. При первом его появлении на поле, незаметно подкрадываясь, женщины обвязывали его этим поясом (обычай этот называли rovažovanie rápov — связывание панов). Хозяин, попавший таким образом в плен, должен был откупаться деньгами. Словакам была известна и другая форма этого обычая, гораздо шире распространенная: из первых самых красивых колосьев зерна делалось несколько маленьких букетиков, обвязанных розовой лентой для хозяина и его служащих. Каждый из них должен был заплатить за полученный букет. При этом жницы произносили традиционное при-

ветствие: «Прикрепляем вам ленту с колосками, чтобы вы, пан, знали, что мы начинаем жать. Поэтому нам в этой работе помогайте, каждому жнецу и его напарнице стакан вина дайте» («Prípínam vám stužku s klásky, aby ste, pán, vedeli, že začíname žat'. Preto nám v tejto práci pomáhajte, každemu žencovi a jeho parnici pohár vína dajte») ²².

Старые чешские обряды начала жатвы очень сходны со словацкими, но они исчезли уже во второй половине XIX в., а в то время они сохраняли большую архаичность по сравнению с описанными выше словацкими обрядами более позднего времени. Чешские жницы пучками первого снятого зерна (или перевяслом) обвязывали руки или ноги каждому, кто приходил к ним первым на поле. Это мог быть не обязательно землевладелец, а любой прохожий. За свое освобождение он обязан был откупиться деньгами на пиво. Жнецы при этом так говорили о своем праве, приветствуя своего первого гостя: «Приветствуем вас, паны гости, учтиво в нашем труде. Мы получили такие права, что можем связать графов, князей и самого короля. При этом мы желаем им иметь в этом году большой урожай, а нам дать жбан хорошего пива, притом желаем им здоровья» («Pěkně vítám pane hosti, do naše práce s uctivostí. My toto práva nabyváme, že můžeme vázati hrabata, knížata a samého krále. Pročež jim přejem, aby hojnou úrodu letos měli a nám na džban piva dali a při tom se také dobře měli») ²³.

Обряд этот у чехов назывался «vázati někoho a dostati za to vázaného» («связать кого-нибудь и получить за это выкупное»). Многие исследователи считали его пережитком древнего языческого жертвоприношения, так как когда-то у чехов перед началом сбора урожая устраивалось угощение прямо в поле ²⁴.

Словаки до недавнего времени в первое воскресенье после начала жатвы проводили обряд «крещения» молодежи, в первый раз участвовавшей в жатвен-

ных работах. Из числа старших опытных жнецов выбирались для них «крестные отец и мать». Принимая новичков в свою среду, жнецы обливали их водкой. «Крестные» всячески помогали своим «крестникам» во время работы, учили их правильно и быстро жать ²⁵.

Одним из самых популярных праздников календарного цикла у чехов и словаков остаются дожинки (dožinky, obžinky, dožata, homola), т. е. празднование конца уборочных работ. Обычай этот — явное отражение древнего аграрного культа, в нем соединились многие элементы обрядности, связанной с выражением благодарности за урожай, жертвоприношениями, магией плодородия и т. п. Праздник не мог быть приурочен к какой-то календарной дате, он праздновался в разных районах в разное время, это зависело от местных условий.

По окончании жатвы как чехи, так и словаки оставляли на поле последние стебли собранных злаков, так как верили, что в противном случае поле потеряло бы в будущем способность плодоносить. В западной Чехии последние оставленные колосья связывали наверху в так называемую *стодолу* (stodolu) ²⁶. В юго-восточной Моравии чехи нескошенные колосья делили на три пряди и связывали наверху. Эту *сибиллю* (sibiliju) делали последний жнец или жница, а иногда сам хозяин поля ²⁷. Последний снопок зерновых оставляли на полях и словаки ²⁸. Тот же обычай соблюдался и при уборке льна и фруктов (особенно винограда).

Большое значение придавалось последнему снопу убранный урожай. Он должен был быть очень большим, имел самые разные названия (poslední, baba, děd, barbora, starý, žebrák — последний, баба, барбора, старый, нищий) и был самым различным образом украшен, иногда на него надевали даже женский или мужской костюм ²⁹. Последний снопок

был символом всего урожая и окончания жатвы, его хранили в красном углу или за матицей на потолке до самой весны, а затем зерна с его колосьев добавляли к семенам при новом посеве.

Главное обрядовое значение при праздновании дожинок имел веночек. Вили его жницы из колосьев и стеблей зерна, добавляя полевые и бумажные цветы и ленты. Обычно в дожинковом венце должны были быть колосья всех злаков, уродившихся у данного хозяина. Но в некоторых местах он делался преимущественно из колосьев злаков, собранных последними.

Так, в Моравской Валахии дожинковый венечек чехи готовили главным образом из овса и гречихи, добавляя к ним полевые цветы³⁰. Форма дожинковых венцов была самой различной как у чехов, так и у словаков. Например, в центральной Словакии, Моравии он был круглым, в форме солнца, в западной Словакии его делали в виде огромной короны с остовом из прутьев и проволоки, в западной Словакии он имел форму колокола. Плели веночек только очень опытные жницы, это требовало большого искусства и изобретательности.

Венечек и последний снопок с поля несли жнецы на двор хозяина. Косы и серпы при этом были также украшены цветами. Самая красивая жница с венком из полевых цветов на голове преподносила хозяину венечек с пожеланием здоровья и будущего хорошего урожая:

Vážene hospodařol
Prěmite tento věneček
Vod roctivěch děveček,
Kolek klasečku,
Toli másečku;
Kolek zrneček,
Toli měřeček;
Kolek stopeček,
Toli kopeček.

Уважаемый хозяин!
Примите этот веночек
От честных девушек,
Сколько колосьев,
Столько корма;
Сколько зернышек,
Столько мер (зерна);
Сколько стебельков,
Столько копен³¹.

(Моравия)

A ti, páňe náš,
Prijmi věneček náš!
Jak sme poorali,
Tak sme požali.
Jak sme pobraňil'i,
Tak sme i skoňil'i...
Pani naša i pán naš,
Aby sme chodzil'i
Pomedzi hromadočki,
Jak jasní mesaček
Pomedzi hvizdočki.
To vám na ďalše ročki
vinšujeme.

А ты, наш пан,
Прими наш венечек!
Как вы вспахали,
Так мы и пожали,
Как вы побороновали,
Так мы и скосили...
Пани наша и пан наш,
Чтобы вы ходили
Между кучками (зерна),
Как ясный месяц
Между звездами.
Это мы вам на будущие годы желаем³².

(Восточная Словакия)

Принимая дожинковый венечек, хозяин благодарил жнецов, давал им деньги за работу и обязательно устраивал большое угощение (oldamaš, aldamaš, hostina). Подавался мясной суп, мясо или отварная курица, калачи³³ и обязательно крупяная каша. В Чехии пили пиво, в Словакии — главным образом сладкую водку и вино. Жнецы пели и танцевали. На празднике дожинок танцевали осо-

бые танцы, которые имитировали отдельные полевые работы: *sgrové* (с серпом), *čerové* (с щепом), *slamkovej* (с перевяслом). Было множество вариантов танцев, особенно много их до сих пор сохранилось в западной Словакии³⁴.

Особое место в обрядовом фольклоре чехов и словаков занимали исполнявшиеся во время этого праздника дожинковые песни.

Песни-дожинки пели после уборки урожая по дороге с поля, когда шли с венцом, при чествовании хозяина, во время угощения. Они имели много общего с жатвенными песнями, но по сравнению с ними имели и свои особенности. Прежде всего напев их был не протяжный, а танцевальный. Дожинковые песни были ближе всего к песням свадебным и по своему содержанию. Да и сам обычай дожинок имел много элементов свадебной обрядности: приготовление дожинкового венца, процессии жнецов, имевшие много общего с шествием друзей — во главе шествия часто шла изображавшая жениха и невесту пара.

В Словакии, например, одна и та же песня в разных районах исполняется в качестве свадебной и дожинковой в несколько ином варианте:

Už sme žitko požali,
Ešte máme jarinu.
Už sme Zuzku vydali,
Ešte máme Marinu.

Уж мы рожь пожали,
Осталась нам яровая.
Уж мы Зузу выдали,
Осталась нам Марина³⁵.

Влияние свадебных обрядов явно сказывалось в обычаях дожинок и у чехов. Например, перед шествием жнецов, несущих венец, хозяин закрывал двери, как и перед свадебным шествием. Жнецы просили их впустить:

Panímamo zlatá, otvirejte vrata,
Nesem vám věneček ze samého zlata,
Zpívát' nepřestanem, dokud nedostanem
Teho aldamášu, co si zasluhujem.

Мама золотая, открывайте ворота,
Несем вам венок из самого золота,
Петь не перестанем, пока не получим
Того угощения, что мы заслужили³⁶.

(Моравия)

Общими со свадебными поздравлениями были и магические формулы с пожеланиями урожая, будущего счастья, здоровья и т. д. при передаче жнецами дожинкового венца.

В процессии с дожинковым венцом принимали участие разные маски: конь, медведь, баран. В Моравской Валахии (северо-восточная Моравия) сохранились сведения об особой роли козы при дожатах — *гомале*; последний косарь, скосивший последние стебли, ударял косой о землю, а все работавшие рядом жнецы и жницы в этот момент изображали бляенные козы. Во всех чешских областях, кроме того, говорилось, что каждый оставшийся в хвосте жнец оказывался «на козе». Известно, что и в Польше термин «*koza*» означал последние оставленные в поле колосья злаков³⁷.

Дожинки с обильным угощением и долгим застольным весельем устраивались только у самых богатых хозяев, где работали наемные жнецы, приносявшие венец. Бедные же крестьяне привозили домой только последний сноп, не устраивая для себя никакого праздника. Иногда дожинки в деревнях праздновали сообща несколько крупных хозяев-кулаков. Традиция празднования дожинок дольше всего держалась в Словакии и восточной Моравии, т. е. в аграрных областях. В чешских же землях обычай этот стал исчезать уже во второй половине XIX в., его праздновали только в хозяйствах самых крупных землевладельцев.

Обычаи, связанные с окончанием летних уборочных работ, соблюдались и при сборе урожая хмеля, особенно характерно это было для чехов. Это была *dočeska, dočeskú* (т. е. конец чесания хмеля). Как и во время дожинок, девушки вили венки из стеблей зерновых и полевых цветов, но добавляли к ним и ветки хмеля. Хозяин устраивал угощение после того, как ему вручался венец с пожеланием счастья и благополучия³⁸. В виноградарских южных районах чешских земель и Словакии также бытовали обычаи и обряды, целью которых были охрана и обеспечение хорошего урожая винограда. Перед 15 августа (успение — *pebevzetí panny Marie*, чеш.; *panna Maria zelená* — словац.) в костеле святили букетики полевых цветов. А затем по мере созревания винограда в разных районах вплоть до 15 сентября совершался обряд «забивания горы» на виноградниках (*hoga* — полоса земли, отведенной под виноградник).

Представители деревенской администрации и стражи виноградников (*hotaři*) ставили для охраны урожая своего рода символ — «гору» (*hogu*) где-нибудь на холме или на дороге, ведущей к виноградникам. «Гора» была похожа на традиционный для весенних праздников «май», т. е. высокую жердь, на вершине которой был привязан освященный в церкви букетик цветов или злаков, а иногда (в южной Моравии) крест с тремя яблоками на его концах — символами плодородия. При обряде вырывалась яма для этой жерди, куда бросались самые лучшие первые гроздья винограда, по-видимому, в качестве жертвоприношения. Рядом разжигался костер, на котором сжигалась «гора», поставленная в прошлом году. Новая «гора» кропилась водой и окуривалась травами.

После того как жердь была укреплена, мужчины стреляли во все стороны из ружей, отпугивая нечистую силу. Здесь же молились своему патрону св.

Урбану, чтобы он помог сохранить урожай, и за всех умерших владельцев виноградников, не доживших до «забивания горы» этого года. После совершения обряда жердь стояла на видном месте и никто чужой не имел права доступа к винограднику. День совершения обряда кончался посиделкой у костра или в трактире и угощением за общественный счет³⁹.

Обычай этот давно забыт, но он был записан одним из пунктов средневекового виноградарского права, которым пользовались чешские и словацкие виноградари. Однако в день сбора урожая винограда (*vinobraní*), который празднуют и сейчас и который в виноградарских районах идентичен дожинкам, на площади ставится «гора», выкапывается яма, в которую бросают первый виноград, и разводятся костер⁴⁰.

У скотоводов окончание года также было большим праздником. Особенно он праздновался в овцеводческих деревнях, когда возвращались пастухи. В центральной Словакии праздник этот приходился на Митра (св. Деметра) 26 октября. Главный пастух, его помощники и владельцы овец производили окончательный расчет⁴¹. В Высоких Татрах пастухи уже по дороге домой начинали праздновать конец тяжелой летней работы, они пели, играли на музыкальных инструментах, пили водку и угощали ею прохожих, дарили различные изготовленные ими фигурки из овечьего сыра. После раздачи овец хозяевам главный пастух и валахи сразу же отправлялись на торжественный ужин, который устраивался на общие средства: *bačovsko goščina* (пастушеский пир), *rozhoň oviec* (ропуск овец). Играли гайды и фуяры, пели валашские словацкие (или чешские в Моравской Валахии) песни, танцевали валашские танцы. Традиция такого праздника при возвращении домой овцеводов продолжается в горных районах Моравии и Словакии и в настоящее время, после

создания во многих этих районах овцеводческих кооперативов⁴².

Традиция дожинок, т. е. праздника сбора урожая, оказалась очень стойкой. Она стала возрождаться в Чехословакии с первых же лет организации сельскохозяйственных кооперативов, и сейчас дожинки — самый большой летний праздник в стране. Празднование дожинок имеет несколько этапов: сначала это праздник кооператива, потом района или области, где готовятся, как и раньше, красивые венки и преподносятся председателю кооператива или наиболее почетному гостю. Дожинки имеют общественный характер: здесь объявляют и награждают передовиков сельского хозяйства, самодеятельные ансамбли народного танца и песни соревнуются между собой.

Кроме того, празднуются и общесловачские дожинки (последние годы в г. Нитре, где существует высшая сельскохозяйственная школа), а также дожинки общечешские (в Градец-Кралове, в Оломоуце, Ческе-Будеёвице и других городах поочередно). На этих праздниках урожая присутствуют члены правительств.

Очень древнего происхождения и другой праздник, содержанием которого были все та же благодарность духам и языческим богам за богатый урожай и моляба об урожае будущего года. Аграрный культ и в этом народном празднике явно ощущается, несмотря на то что принявшая его церковь (как и большинство других языческих праздников) придала ему христианский характер: этот древний праздник приурочила ко дню того святого, который был патроном местного костела. Назывался этот храмовый праздник — *posvícení* (освящение), его старое название — *годы* (*hody*) означало любой праздник, а теперь сохранилось у чехов Моравии и словаков в значении «храмовый праздник».

В отличие от дожинок это был не только общественный, но и семейный праздник, на него приглашались как

близкие, так и дальние родственники, приезжавшие из других районов страны. В каждом доме готовилось обильное угощение: жарили гусей и уток, пекли разного вида калачи⁴³, готовили пиво, водку и вино. В отдельных районах и деревнях храмовые праздники осенью проходили не в одно время, они длились несколько дней и превращались в столь продолжительное празднование (после окончания годов в одном районе многие направлялись к родственникам в другой район), что австрийский император Иосиф II особым указом 1767 г. постановил праздновать храмовые праздники во всей стране в одно время, а именно в третье воскресенье октября на Гавла или Мартина. Однако народ в это сравнительно свободное от работы время года стал праздновать и «императорские» и местные храмовые праздники⁴⁴.

Все праздничное веселье организовывала молодежь. Часто именно в это время (особенно в Моравии) она принимала в свои ряды младших членов. В Моравии чешская молодежь в храмовый праздник ставила во второй раз в центре деревни (или городка) «май», т. е. высокое, очищенное от коры дерево, украшенное наверху лентами, бумажными цветами. Девушки дарили своим избранникам букетики на шляпы. В южной Моравии молодежь с музыкой ооходила все дома, танцуя и выпивая с хозяевами и получая подарки, как во время масленицы⁴⁵. Музыка и танцы длились до утра, не обходилось и без драки, несмотря на то что за порядком следили выборные молодежные старосты. Вот одна из типичных песен периода храмовых праздников:

Dyž sem ja šel na hody,
Ej, šel sem pod perečkem,
Má milá sa dívala
Ej, na mě okenečkem.
Dyž sem já šel z hodů dom,
Ej, hlavěnka porúbaná,
Zavaž me ju, má milá,
Ej, aby nebolela.

Когда я шел на годы,
Эй, шел я с перышком (на шляпе),
Моя милая смотрела,
Эй, на меня в окошечко.
Когда я шел домой с годов,
Эй, голова порублена,
Завяжи ее мне, моя милая,
Эй, чтобы не болела.

(Моравия)

Для восточной Моравии во время храмовых праздников были характерны многие элементы свадебной обрядности. В частности, молодежь танцевала архаичный обрядовый свадебный танец *žabsku (жабий)* ⁴⁶.

В чешских областях еще в конце XIX в. во время храмовых праздников совершались обряды жертвоприношения животных: смысл их был совершенно ясен, хотя они превратились к этому времени в молодежное увеселение. Это прежде всего обряды «казнь петуха» (*stínání kohouta*) или селезня, барана (*stínání beranka*). Словаки обряд «казни петуха» совершали когда-то лишь во время свадьбы. В день св. Гавла (17 октября), по старым сведениям, у словаков был обычай когда-то рубить голову гусю, подвешенному между двумя деревьями: молодежь на конях или повозках, проезжая под гусем между деревьями, соревновалась друг с другом в ловкости. Словаки считают этот обычай сравнительно новым, принесенным через город из центральноевропейских стран ⁴⁷.

Обряд «казни петуха» сопровождался буйным весельем. Петуха несли торжественно на поле за деревней в сопровождении музыкантов. Там его привязывали к врытому в землю колу, юноши (а иногда и девушки) с завязанными глазами пытались ударить его саблей или цепом. Когда-то всех присутствующих при этом обряде кропили петушиной кровью, петуха варили, мясо его должен был отведать каждый ⁴⁸. В центральной Моравии (на Гане) петуха зарывали по горло в землю, чтобы труднее было от-

рубить ему голову ⁴⁹. Более позднего происхождения, видимо, бывший очень популярным «суд над петухом», где читалась жалоба на его проделки, выносился смертный приговор, а отдельные части тела «завещались» конкретным лицам, которые при этом нередко очень остроумно высмеивались. Таким же образом «казнили» и селезня ⁵⁰.

Столь же торжественно «казнили» и барана. В этом обряде участвовало несколько масок, среди которых были судья, палач, солдаты, дружка, которая просила простить барана. Обряд превращался в театрализованное представление. В Моравии барана украшали цветами, пели при этом песни, убить его одним ударом сабли должен был верховодивший молодежью «староста» (*stárek*). А в окрестностях г. Брно каждый из четырех юношей — «старост» должен был убить своего барана ⁵¹. Если удавалось одним ударом отрубить барану голову, то это считалось особой доблестью. Присутствующая молодежь при этом пела: «Этот первый староста (способный парень). Он убил барана сразу одним ударом» («*Ten první stárek (švarný šohájek), von hoť'al berana na jeden gazeč*») ⁵².

Пережитком обряда жертвоприношения был и распространенный более всего в чешских городах обряд «сбрасывания козла» в день св. Якуба (25 июля). Козла сбрасывали с башни или с высокой крыши дома, а затем мясники добывали его топором.

Обряды эти были распространены когда-то и у других европейских народов. Они несколько раз запрещались как правителями, так и церковью. Однако традиция эта сохранялась очень долго ⁵³.

Во время празднования храмовых праздников в некоторых областях сохранялись рудименты обрядов, связанных с поминовением умерших. Так, в северо-восточной Моравии в этот праздник обязательно ходили на кладбище, а в не-

которых местах туда отправлялись торжественным шествием еще в начале нашего века⁵⁴. В костеле служили особую службу по умершим.

Храмовые осенние праздники сохранили свое значение и в настоящее время. Празднует их главным образом молодежь, танцующая несколько ночей подряд (от пятницы до понедельника). Религиозный характер праздника остается только в памяти старшего поколения. Как и прежде, на этот праздник съезжаются близкие и дальние родственники со всех концов страны, особенно это наблюдается в Словакии.

Храмовые праздники заканчивают осенний цикл календарных праздников, начинаются пост (адвент) и переход к зимнему периоду. В день Dušiček и официального праздника поминовения умерших (Všechný sväte) 2 ноября по-

сещают кладбища, убирают могилы своих близких цветами, зажигают свечи, которые заменили прежние костры, горевшие в этот вечер. Эти огни должны, как в это долго верили, хранить и живых от действия злых сверхъестественных сил.

Итак, летне-осенний цикл календарных праздников у чехов и словаков конца XIX—начала XX в. сохранял отчетливо следы дохристианского солнечного и аграрно-скотоводческого культа.

Праздники сбора урожая и окончания полевых работ отмечаются и в настоящее время, но они приобрели совершенно иной смысл. Многие древнего происхождения обряды возрождаются в представлениях на очень популярных сейчас у чехов и словаков фольклорных фестивалях.

¹ Bonuš F. Mezi dvěma slunovráty. Gottwaldov, 1959, s. 26.

² Horvathová E. Ze zvykoslovných a pověrových reálií na hornom Spiši. — Archiv Národopisného ústavu Slovenskej Akadémie Vied. Vyskum spišskej Magury, 1967.

³ Bonuš F. Mezi. . . , s. 27.

⁴ Horiňácko, Život a kultura lidu na moravsko-slovenském pomezí v oblasti Bílých Karpat. Brno, 1966, s. 303.

⁵ Horvathová E. Ze zvykoslovných. . . , s. 50.

⁶ Stranská D. Vyroční zvyky. — In: Československá vlastivěda, řada II, Národopis. Praha, 1936, s. 291.

⁷ Tomeš J. Masopustní, jarní a letní obyčaje na Moravském Valašsku. Stražnice, 1972, S. 94.

⁸ Horvathová E. Das volkstümliche Brauchtum. — In: Die slowakische Volkskultur. Bratislava, 1972, S. 219.

⁹ Holuby J. Národopisné práce. Bratislava, 1958, s. 399.

¹⁰ Ibid., p. 398; Stranská D. Vyroční. . . , s. 290.

¹¹ Bednárik R. Duchovní kultura slovenského ľudu. — In: Slovenská vlastivěda. Martin, 1942, díl II, s. 99—100.

¹² Václavek M. Moravské Valaško. Vsetín, 1896, s. 84.

¹³ Československá vlastivěda, díl III. Lidová kultura. Praha, 1968, s. 246.

¹⁴ Podolák Jan. Pastierstvo v oblasti vysokých Tatier. Bratislava, 1967, s. 143—144.

¹⁵ Válek J. Poznámky k mapě moravského Valašska. — In: Casopis moravského muzea zemského, č. 10. Brno, c. 300.

¹⁶ Podolák Jan. Pastierstvo. . . , s. 144.

¹⁷ Horvathová E. Ze zvykoslovných. . . , s. 42.

¹⁸ Horák J. Naše lidová píseň. Praha, 1946, s. 78—79.

¹⁹ Zibrť C. Veselé chvíle v životě lidu českého. Praha, 1950, s. 378.

²⁰ Demo O., Hrabalová O. Zatevné a dožinkové piesne. Bratislava, 1969, s. 91.

²¹ Stranská D. Vyroční. . . , s. 292.

²² Demo O., Hrabalová O. Zatevné. . . , s. 24.

²³ Zibrť C. Veselé. . . , s. 388.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Demo O., Hrabalová O. Zatevné. . . , s. 25.

²⁶ Stranská D. Vyroční. . . , s. 294.

²⁷ Horiňácko. . . , s. 303.

²⁸ Horvathová E. Das volkstümliche Brauchtum. . . , s. 223.

²⁹ Zibrť C. Veselé. . . , s. 395.

³⁰ Tomeš J. Masopustní. . . , s. 100.

³¹ Zibrť C. Veselé. . . , s. 407.

³² Demo O., Hrabalová O. Zatevné. . . , s. 26.

³³ Чехи в северо-восточной Моравии пекли к этому празднику особый калач — *гомолу*.

³⁴ Bonuš J. Mezi dvěma slunovráty, s. 28.

³⁵ Demo O., Hrabalová O. Zatevné. . . , s. 64.

³⁶ Tomeš J. Masopustní. . . , s. 101.

³⁷ Bystron Jan St. Zwyczaje żniwarske w Polsce. Kraków, 1916, s. 49.

- ³⁸ Zibrť C. Veselé... s. 425.
- ³⁹ Frolec V. Vinářský obyčej «zarážení hory» na Moravě. — *Národopisné aktuality*, 1968, N 1.
- ⁴⁰ *Ibid.*, p. 27.
- ⁴¹ Medvecký K. Detva, Detva, 1905, s. 185.
- ⁴² Podolák Jan. Pastierstvo..., s. 138—145; Tomeš J. Masopustní..., s. 99.
- ⁴³ В Моравской Валахии особый калач — зва́пес посылали вместо приглашения гостям.
- ⁴⁴ Horňácko..., s. 303.
- ⁴⁵ Bonuš F. Mězi dvěma slunovráty, s. 30.
- ⁴⁶ Horňácko..., s. 304.
- ⁴⁷ Stranská D. Vyroční..., s. 292—293.
- ⁴⁸ *Ibid.*, s. 292; Zibrť C. Veselé..., s. 541, 577; Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 159.
- ⁴⁹ Vyhliďal Jan. Rok na Hané. Olomouc, 1906, с. 62.
- ⁵⁰ Zibrť C. Veselé..., s. 572.
- ⁵¹ Stranská D. Vyroční..., s. 292.
- ⁵² Zibrť C. Veselé..., s. 292.
- ⁵³ См.: Грацианская Н. Н., Зеленчук В. С. Этнографические особенности чешского населения села Голубое Молдавской ССР. — «Известия АН Молд. ССР. Сер. обществ. наук», 1973, вып. 2. 1973.
- ⁵⁴ Zibrť C. Staročeské vyroční obyčaje. Praha, 1889, s. 103.